

Иосиф Бродский

Ушел... Мне остается молоко,
Плюс радиус ночного шиферблата...
Оставил только яблоки в зазор
и смелся, тапободил Пизалата!
Попробуем окранный халат,
исследуем окранный котелок,
Воздрузим на затылок котелок...
с присохшими остатками салата...
Какие звезды?! Пол и потолок.
В окошке — отражается палата.

Ночь. Окна — бесконечности олят.
Палата и них двоятся и каубитя.
За окнами — решетки передлетя.
наружу отраженью не пробитяся.
В пространстве этом — задом-наперед —
постелью мудро не ошнбитяся!
Уснуть бы... и вообще — самоубитяся!
Рискуя — раз тут все паоберот —
тем самым в свою дупу углубитяся!

Уснуть бы... Санитары на посту.
Принесит ли им польду отраженья?
Оно лишь умножает тесноту,
поскольку бесконечности — умноженья.
Я сам уже в глазах своих расту,
и стекла, подхлестнув воображенья,
сжимают между койками версту...
Я чувствую во внутренностях женья,
взирая на далекую звезду.
Основа притяженья — торможенья!

[104] Стихотворения

[105] Стихотворения

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is written on aged parchment and is partially obscured by the rolled-up portion of the scroll. The script is dense and difficult to decipher, but appears to be a form of early modern or medieval handwriting. The text is written in a dark ink, possibly iron gall, and is arranged in several lines across the unrolled portion of the scroll.

